

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

Г. С. Смирнов

НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ*

*Ноосферная история:
от ноосферного конфликта
к ноосферному гуманизму*

Важнейший аспект связи ноосферной истории и духовных формаций заключается в формах развития интеллигенции. Интеллигентность - это культура открытости, т. е. способность поддерживать принципиальную открытость системы для ее возможной эволюции в рамках более сложной системы или общности. В некоторых случаях система принципиально отгораживается от внешних воздействий или пытается навязать свои формы поведения и жизнедеятельности окружающей среде вне контекста адаптации или ассимилирования; при этом может возникнуть вариант, когда внешнее осуществляет насильственное воздействие, вторжение, экспансию. В такой ситуации естественность коэволюции разрушается, возникает отторжение - ноосферный конфликт. *Ноосферный конфликт - это противоречие между материальной (экономической) и духовной (интеллектуальной) составля-*

щими всемирно-исторического процесса, проявляющееся на уровнях природа - общество, биосфера - цивилизация, человек - Вселенная. В философском смысле ноосферный конфликт проявляется на уровне единичного, особенного и всеобщего.

Как создать условия для духовной коэволюции культур разных народов? В известном смысле можно сказать, что речь идет о толерантности и терпимости, т. е. о том качестве, которое **становится** особенно важным сейчас. Все выше сказанное позволительно утверждать, что в русской социально-философской традиции **с** самого начала можно усмотреть стремление к постижению **ЛОГИКИ** и диалектики духовных формаций, не только онтогенеза, но и филогенеза становления духовности в земной космопланетарной реальности.

Через призму ноосферного гуманизма можно видеть природу и смысл духовно-вселенской эволюции человека и человечества. Человек развивает свои умственные и духовные потенции **ГОБУСО** постоянным духовным трудом, по аналогии с тем, как он наращивает свои мускулы в процессе физического труда. Обращаясь к Богу в молитве, общаясь с природой в самых различных формах, человек развивает свои духовные возможности Вселенского бытия. В этом трудовом духовном акте он фактически подталкивает процессы не только своей духовной эволюции, но и шлюции сознания человечества. Становление ноосферного сознания - это процесс духовного подвижничества, фундаментальная духовная эволюция.

В начале третьего тысячелетия человечество реально входит в формы «духовной революции-эволюции». Из огромного тгноационального многообразия постепенно формируется модель человека глобального, планетарного, человека ноосферного, а значит - человека Вселенского (Богочеловека).

В рамках ноосферной истории сложилась доминантность грех мировых религий (буддизм, христианство, ислам) - это своеобразное выражение ноосферного триединства человеческого сознания. Между этими тремя ипостасями религиозности уже сейчас с разных сторон формируются парадигмы межсистемного взаимодействия в универсуме культуры. К такого рода нитям, связывающим мировые религии и одновременно религию с иными ипостасями культуры - искусством, философией, наукой, -

© Смирнов Г. С., 2006

Смирнов Григорий Станиславович - доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета.

* Окончание. Начало статьи см.: Интеллигенция и мир. 2006. № 1.

можно отнести и последователей Е. П. Блаватской и Рерихов, и бахаистов, и сторонников Д. Панина и А. И. Вейника, а также многих других, которые реально расширяют «врата восприятия» (О. Хаксли) и тем самым встраивают человеческую цивилизацию во вселенский контекст.

Этот глобальный процесс общекультурного синтеза является важной стороной ноосферной истории. К числу самых значимых проявлений ноосферной истории человечества относятся: 1) восхождение к духовности все большего количества представителей homo sapiens, 2) все более глубокое взаимопроникновение природной и социальной историй, 3) становление автотрофности человечества в различных аспектах его космопланетарного и материально-экономического бытия.

В известном смысле ноосферная история может быть представлена как метакультурный процесс восхождения человека к Богу (движение к Богочеловеку), а человечества к Богочеловечеству. Смысл ноосферной истории может быть проиллюстрирован обращением к работам В. В. Бычкова, который, анализируя предметную область эстетики как феномена и дисциплины, считает, что «эстетика - это наука о гармонии человека с Универсумом». Ноосферная история в этом смысле предстает как восхождение человека к Универсуму в различных проявлениях его бытийности. Известная фреска Микеланджело «Рождение Адама», на которой Человек и Бог почти соприкасаются самыми кончиками пальцев, поистине отражает смысл этого прикосновения к Универсуму, которое столь же недостижимо, сколь недостижимо превращение человека в Бога.

Ноосферный гуманизм - это реальное воплощение фундаментальных («истина-добро-красота») и иных общечеловеческих ценностей. По большому счету, подлинный гуманизм состоит в том, чтобы общество осознавало, что искусственное преходящее, но становится вечным, когда обретает статус естественного. Человек в процессе внутреннего и внешнего миропостроения сам создает свое ноосферное будущее, и только таким последовательным и постепенным движением он сам себе доказывает свои собственные претензии на то, что называет ноосферным будущим и что он связывает с общечеловеческими ценностями.

Геополитические устои духовной жизни и ноосферная динамика России

Родовое призвание российской интеллигенции - думать о жизни, об обустройстве все расширяющегося пространства, которое из европейского постепенно превращается в евразийское, а затем в планетарное в силу того, что обретает качество heartland - «сердца мира». Начало подобному геополитическому видению мира положил автор «Слова о полку Игореве», а затем автор теории «Москва - третий Рим» старец Филофей, схожие идеи в рамках русского космизма обрели название «евразийство» и позволили постепенно сформировать представления о самоидентичности «русское™» и «российскости» в космопланетарном (ноосферном) пространстве обитания современной цивилизации. Географическое тело российского этноса, непрерывно расширяясь, заставляло думать о себе и государственных мужей (собирателей земель), и представителей интеллигенции (блюстителей Духа), и народ, который оказывался «наполнителем» Геосубстанции российского этнобытия.

Объективная необходимость сохранения единого пространства формирующегося российского этноса определила единство и борьбу противоположностей - власти, народа и интеллигенции. Государственная власть всегда делала ставку на мощь, а интеллигенция - на свои духовные и душевные силы. Власть, по преимуществу, - энергия управления и организации, народ - субстанция самоуправления и самоорганизации. Софийность власти (совмещение в ней элементов народного анархизма и разумности интеллигенции) - несбыточная российская мечта, своеобразная утопия, нашедшая свое теоретическое воплощение в триаде «Самодержавие - Православие - Народность». Российский геополитический императив - сохранение российской (имперской, союзной) оси мира - всегда оказывался выше судеб отдельной личности и индивидуальной свободы. Геополитическая несвобода «срединной земли» определила доминанту выполнения исторического, сакрального духовно-религиозного долга, проявлявшую себя на протяжении многих столетий, что стало возможным лишь в условиях формирования в сознании русского человека архетипов вселенскости-космичности, соборности-коллективности, аль-

труизма-патриотизма, понимания исторической избранности, чувства заботы о гигантском неорганическом теле российского хронотопа.

Задача «держать пространство» стала для Российской державы формой вселенского служения. Эта непосильная задача решалась не только властью, которая иногда подламывалась на трудных исторических дорогах, но и народом, который в условиях всеобщей смуты всегда поднимался из глубин вселенской стихийности бытия-экзистенции (самостийности). Однако осуществление выбора направления развития (духовного созидания состояния-аттрактора) всегда лежало на интеллигенции, в этом можно усмотреть ее абсолютную задачу, задачу подчас неразрешимую по своей трудности, но непереложимую на другие плечи и обязательную к выполнению. Служение Духу для интеллигенции столь же естественно, как естественно служение Богу для священника и служение Державе для солдата и офицера.

В истории российского *стояния* на рубежах Запада и Востока сформировались *парадигмы устойчивости* российского колосса: идеи софийности и троичности, самодержавия (великокняжеского и народного, «вечевого»), и православия, рационализма и коммюнитарности (коммунизма), соборности и ноосферности. Российская «вселенная» как сверхсистема в максимальной степени отвечает образу хаосогенности (меональности) и как ноосферная реальность любого типа внутренне стремится к поиску самоидентичности с Вселенной-Космосом, а значит, вызывает духовно-информационные потоки огромной силы, выражающиеся в социальном и историческом времени в формах революций и разрушительных катаклизмов. История российской духовности в известном смысле есть история поиска моделей миропостроения, адекватных сложности все-российского бытия.

¹ Русский перевод термина («sustainable development») (устойчивое развитие) будет более точен (как считают некоторые авторы), если к смыслу «устойчивость» будет добавлен смысл «самоподдерживание» (самодержавие). Устойчивость не всегда самоцель в историческом и социальном процессах: смысл устойчивости в удержании от катастрофы, от абсолютного распада, обеспечение самозарождения в рамках преемственности новой жизненной системы. Проблема устойчивого развития России возникла в

связи с катастрофой, которую иногда называют «социальным Чернобылем» - распадом СССР. Период «социального полураспада» империй имеет свою размерность, поэтому задача остановить дальнейший распад России - глобальный императив не только геополитического, но и духовного порядка. Российское мировоззрение, российское сознание может существовать лишь в рамках соответствующего ему социоприродного организма. Распад СССР стал прелюдией духовной деконструкции, а значит, устойчивость духовного развития есть форма сохранения устойчивости российской государственности и российского этнохронотопа.

Россия, **как** показала история XX века, - страна катастроф: поенных, политических, революционных, экономических и даже духовных. В чем причина «катастрофичности» российской истории? **Для** ответа на этот вопрос попробуем использовать синергетический подход.

Поиск нетрадиционных подходов к анализу истории России ведет к смене философских парадигм в тех случаях, где на место¹ одной движущей силы встает другая, рабочий класс (как субъект материального производства) уступает историческое место интеллигенции (**как** субъекту духовного производства). История России в XX веке поставила под сомнение марксистский постулат **об** определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию - феномен сообщающихся сосудов общественного бытия и общественного сознания в рамках реали-**СТИЧЕСКОЙ** парадигмы оказался более адекватным и работающим. Он более соответствует ноосферному видению мира, в котором **внутреннее** и внешнее миропостроение неразрывны и определяют смысл ноосферной динамики.

В России **как** нигде может быть велико значение духовной жизни и сознания людей **для** исторического процесса, в ней максимально обнаруживает себя синергетическая подоплека духовно-исторического процесса. Процессы самоорганизации запускаются, **как** только гигантский евразийский heartland, скрепленный обручами государственной власти, начинает испытывать внешнее и внутреннее давление, ощущать геологические исторические подвижки.

Наряду с синергетическим подходом к осмыслению геополитической (геодуховной) специфики положения России целесо-

образно использование экологического подхода, который дает возможность очертить параметры «организма» (базового компонента России) и его среды обитания - ближнего и дальнего окружения, в целом его глобального планетарного и космического пространства. Россия в XX веке оказалась точкой средоточения мирового исторического процесса, для нее как для молодого государства характерны «исторические землетрясения». Причиной этой вулканической деятельности оказываются магматические потоки Духа, поэтому размышления о духовной (интеллектуальной) составляющей истории России носят не академический, а сугубо практический характер.

В вышеприведенной метафоре можно обнаружить инновационное выражение ноосферного подхода к истории. Развертывание истории России - это, прежде всего, борьба теорий, гигантская схватка супер-идей. В центре этой схватки оказывается интеллигенция (концепт исторического процесса), которая и определяет в конечном итоге лицо ноосферной динамики России.

История России прошедшего века с достаточной степенью абсолютности свидетельствует о том, что исторический процесс - это развертывание народного Духа в пространстве, с возможной полнотой выраженное профессиональным универсальным интеллигентским сознанием. Видимая история оказывается выражением невидимой истории Российского Духа и Российской Веры. Впрочем, этот тезис не должен сводиться к идеалистическому пониманию, для его правильного включения в широкий контекст следовало бы применить реалистическую парадигму, в которой не противопоставляются, а соединяются материальное и идеальное, субъективное и объективное, духовное и телесное, историческое и логическое, теоретическое и эмпирическое.

Корневые исторические события в конечном итоге *проявляются* тогда, когда возникают флуктуации в материальной и духовной жизни народа и оказываются поколеблены *устои Духа*. В самом этом термине есть внутреннее противоречие, ибо если сознание, по определению, спонтанно, то разум - целостен и монолитен, Дух безусловен и «безустое», хотя бесконечно текуч и разнообразен. И все-таки устои Духа существуют, особенно в России они максимально тверды, и в известной мере именно это является причиной катастрофизма российской истории. «Катаст-

рофизм Кювье» обычно противопоставляют материалистической диалектике, рассматривая его часто как «голое, зрящее отрицание», однако в рамках синергетических представлений это эмпирическое обобщение имеет смысл в сфере гуманитарного и обществоведческого знания.

Мир в своем развитии уходит вперед, этно- и техно-социальное тело народа кардинально изменяется, и дух, оставаясь прежним, оказывается в положении «неполного соответствия», тогда начинается эпоха его выкорчевывания в ходе революционных исторических процессов. Ноосферный (реалистический) взгляд на исторический процесс позволяет выявить более сложную детерминацию - синергетическую основу взаимодействия личностного и общественного, социального и природного.

«Насаждение» древа государства Российского оказывается оборотной стороной насаждения религиозного сознания: никоновский раскол, петровская секуляризация, октябрьская (пролеткультовская) революция - «симпатические» процессы, обладающие общими генами социального действия.

Кризисность духовной жизни молодого этноса, преодоление, им переходного возраста - так можно обозначить эпоху XX века в истории России. Двенадцатый (столетний) год (цикл) жизни Российского государства и русского Духа оказался огромным испытанием, проживая его, российский народ совершил «гегелевское отрицание отрицания»: от Духа, в котором приматом являлась горняя идеально-религиозная жизнь, был совершен поворот к духу, в котором доминантой стала дольная материально-деятельностная жизнь. Антиномия «на земле как на небе», или «на небе как на земле», оказалась настолько асимметричной, что возможности такой инверсии и тем более ее результаты в полной мере не могли представить себе даже великие русские писатели-философы, предупреждавшие о ее опасности.

Столетняя духовная трансформация заканчивается, приходит время отрицания отрицания, время синтеза: общинно-коммуны идеи проверены уже не только оружием критики и критикой оружием, но и «огнем, водой и медными трубами». Российская интеллигенция в XX веке поставила на себе великий самоотверженный социальный эксперимент - осуществила духовную трансформацию Разума и, понеся при этом неисчисли-

мые потери, выходит в начале нового тысячелетия обогащенная опытом духовных геологических подвижек. Одной из линий такого осмысления духовной истории века является путь «от Вернадского к Моисееву», который предстоит проделывать в своем духовном развитии не только современной российской интеллигенции, но и всему российскому обществу.

Проблема «интеллигенция и власть» имеет свои продолжения, она оборачивается такими категориальными парами, как «интеллигенция - народ» и «народ - власть». XX век дал ответы на эти три доминанты российской истории: триада «народ - интеллигенция - власть» больше не «вещь-в-себе», великая тайна исторического процесса в его реалистическом измерении приоткрыта, и, значит, современная Россия может смотреть на собственное будущее с точки зрения консолидированного опыта своей истории.

Обновление России в купели катастрофизма можно рассматривать как порок, как генетический сбой, ведущий к гибели, но его можно интерпретировать и в качестве доказательства возможности гигантской, глобальной «человеческой революции» (по А. Печнеи), перед необходимостью совершения которой оказывается не только Россия, но и вся человеческая цивилизация. Опыт России дает материал для ответа на вопрос: имеются ли у человечества «человеческие ресурсы» для выживания и дальнейшего развития или человеческая природа обречена несовершенством разума, возможен ли ноосферный прорыв современной цивилизации в будущее?

В отечественной философской литературе очень часто можно обнаружить пафос самобичевания, связанный с фактом «желания России преподать урок миру», но может быть в мировоззренческом самоотверженном поиске не надо искать повода для «сомнительного сомнения» — исторические эксперименты в духовной жизни являются самыми типичными и самыми трагическими, а когда они перерастают локальный уровень и становятся планетарными, вселенскими дерзаниями Духа, то историческая их ценность, несмотря на трагические последствия, - непереоценима. Российская интеллигенция поставила на себе эксперимент (который в конечном итоге оказался коммунистическим экспериментом) для того, чтобы с высот духовного опыта понять

реалистический смысл своего ноосферного (пневмосферного) будущего, понимание которого сейчас приходит уже не для отдельных лиц (выдающихся ученых или философов), а и для мужей государственных, и для широких слоев общества.

В чем же могут состоять духовные устои современной российской интеллигенции, обеспечивающие устойчивое, а не катастрофическое развитие страны, ноосферную динамику России?

Во-первых, интеллигенция должна быть культурной. В свое время Н. К. Рерих выстроил такую цепочку духовного развития (ноосферной динамики): цивилизованность - образованность - интеллигентность - культурность. Культурность определяется, по крайней мере, двумя существенными характеристиками: отзывчивостью национальной культуры к достижениям культуры мировой и пониманием того, что ни одна ипостась культуры (религия, философия, наука, искусство) не должна быть элиминирована из форм внутреннего и внешнего миропостроения. В этом смысле интеллигенция не может быть художественной, научной или религиозной, социальный субстрат является либо интеллигенцией в широком смысле слова, либо называется так, в действительности не будучи таковым.

Во-вторых, интеллигенция служит не только государству (ибо власть или «покупала», или брала на службу, или принуждала интеллигенцию), но и народу (интеллигенция только тогда интеллигенция, если она искупает свой «флирт» с властью жертвенным отношением к субстрату истории - народу), а также «обслуживает» созданную совместным трудом и разумом техносферу. Однако есть еще один уровень бытия, без выхода на который интеллигенция не выполняет предназначения и теряет свое качество - это осмысление жизни, существование в космопланетарном универсуме. Интеллигентский труд без этого вселенского существования превращается в сизифов труд бессмысленности всеобщего повторения.

В-третьих, интеллигенция является трудовым (а не паразитическим) классом, носителем духовного производства, она строит всеобщее здание науки, она - хранительница и созидательница научной мысли как планетного явления. Сущность интеллигенции - внутреннее миропостроение ноосферы, всеобщей сферы труда и разума цивилизованного человечества.

В-четвертых, интеллигенция является подвижным (социально и пространственно мобильным), постоянно расширяющимся слоем, который в максимальной степени «подчиняется» законам самоорганизации, поскольку интеллигенция может существовать только в открытой (свободной) экологической (информационной) среде. Любое посягание на свободу мысли чревато катастрофическими последствиями и для самой интеллигенции (она увядает и гибнет), и для того общества, которое не смогло осознать «спасительную» (спасающую) функцию интеллигенции для выживания всего общества. В. И. Вернадский выделил следующие императивы, которые можно было бы отнести к условиям существования интеллигенции: *альтруизм, свобода, истина и сомнение.*

В-пятых, интеллигенция в своем развитии неизбежно оказывается в лоне творимой ею ноосферной реальности и несет ответственность за содеянное, при этом расплата подчас оказывается жестокой и несправедливой, ибо интеллигенцию судит не столько история, сколько время (конкретно-историческая действительность). Интеллигенция в своем духовно-интеллектуальном труде подлежит Божьему суду и в этом ее асоциальность (внесоциальность), а точнее, ее вселенскость, она имеет не столько социальную, сколько ноосферную укорененность.

Все эти качества позволяют выявить особую роль интеллигенции в социальном универсуме: она может быть как фактором устойчивого (от слов «устой», «устоять»), так и катастрофического развития социума, в котором она живет. Исповедуя высшие ценности, она может войти в конфронтацию с властью и тогда очень часто приносит себя в жертву для того, чтобы погибла и несправедная власть. Культурная власть, власть, умеющая наладить правильное отношение с духовной (религиозной) и светской (образовывающей) интеллигенцией, власть, *позволяющая* интеллигенции выполнять свою родовую функцию, может создать условия для того, чтобы интеллигенция как консолидированная духовность общества смогла («оказалась смочь») тонкими нитями сопрягать внешнее и внутреннее миропостроение, а значит, обеспечить «естественное», ненасильственное, устойчивое развитие посредством просвещения, образования и воспитания самой себя и всего общества, из которого она выросла.

Таким образом, представление об устойчивом развитии предполагает, с одной стороны, опору на вековые устои, с другой - опору на устойчивость как некатастрофичность (умение «темнованием» превратить революционный процесс в эволюционный) реформаторской деятельности власти в сфере материального и духовного миропостроения.

В XX веке российская интеллигенция многому научилась в планировании поступательного развития и вынесла для себя очень важные уроки. «Реалистическая (народническая) интеллигенция» конца XIX - начала XX века в ходе революционных событий превратилась в светскую (народную) интеллигенцию, проделав огромную работу по культурному обогащению (насыщению) русского этноса, а затем обозначила свою претензию превратиться во власть, сначала лишь в «четвертую власть», а затем и в главную власть технотронного (ноосферного) общества - информационную власть. Особенность этой власти связана с действием ноосферного закона, согласно которому информация управляет энергией. А энергия управляет веществом. Власть интеллигенции - это форма виртуального управления посредством образования - главного вида духовного производства современной интеллигенции.

Новый XXI век открывает реальные перспективы для того, чтобы вековая российская триада «власть - интеллигенция - народ» постепенно переросла в троичность, трехпостасность, став Единством и обеспечив тем самым реальную ноосферную динамику, создающую предпосылки для разрешения глобальных противоречий современности. Для мира третьего тысячелетия в интеллигентском сознании нет уже альтернативы «революция или реформа», «оптимизм или пессимизм», но есть самый сложный выбор: «устойчивость неустойчивости» или «неустойчивая устойчивость», «оптимистический пессимизм» или «пессимистический оптимизм».

Развитие интеллигентского сознания в XX веке, постепенное его превращение в ноосферное сознание, формирование на этой основе нового ноосферного мировоззрения человечества является существенным фактором устойчивого развития России.

Метаистория советской интеллигенции

Прошло десятилетие с той поры, когда огромная социальная группа российского общества прекратила свое существование. Распалась самая мощная, сильная и влиятельная партия, когда-либо существовавшая в России - коммунистическая партия. Ее могущество опиралось не только на бесконечный этнонациональный потенциал рабочего класса и крестьянства страны, откуда она черпала свои главные силы, но и на слой, который традиционно противостоял ей, но понимал, что с этой государственно-партийной структурой необходимо сотрудничать, и не только в целях самосохранения, но и в силу необходимости помощи в трансформации (в том числе культурной трансформации) великой страны, которая сама своей масштабностью и бескрайностью формирует естественное чувство патриотизма. Русская Земля всегда в отечественной истории воспринималась как главное богатство, которое остается даже тогда, когда не остается ни гроша в кармане. Патриотизм советского типа являлся формой сохранения советского социалистического пространства, на котором реализуются и существуют простые высшие ценности: справедливость, правда, коллективизм, любовь, красота. Этот советский патриотизм вырос на российской культурной традиции, поэтому он имеет очень старые корни, хотя на первый взгляд может показаться, что его истоки берут свое начало в недалеком 1917 году.

История Отечества, как она сложилась в сознании подавляющего большинства советских людей, - это история разрыва, метаисторического разлома, история искусственно разомкнутого единого естественноисторического геологического процесса. Понадобится много усилий нынешних историков, чтобы воссоединить, срастить сломанные кости российской истории в сознании миллионов людей. Этот феномен достаточно легко объясняется с точки зрения современных синергетических представлений: система в результате пассионарного разогрева в начале века (первой мировой войны, революции и гражданской войны) стала диссипативной, на страну обрушились процессы хаотизации, внешние и внутренние бифуркации поставили перед необходимостью «ответа» на всемирно-исторический вызов начала века. В арсенале российского общества и имперского государства, к сожалению,

не нашлось иных сил, кроме стихийно народных, которые могли бы дать ответ на этот глобальный вызов мировой истории российскому этнонациональному пространству. Колоссальные стихийные силы русского народа, которые всегда просыпались в условиях тяжелых исторических испытаний, вышли из-под контроля гигантской государственной машины, и началась цепная реакция в российском социальном реакторе. С этого момента в российской метаистории обозначила себя проблема обращения накопленных русским народом сил в рациональное историческое русло. На первых порах, когда стояли очень простые и понятные задачи («очередные задачи советской власти»), выработка стратегии и тактики действия была под силу даже низовым звеньям «народно-большевистского» большинства. Враги новой России - государство, церковь, помещики, буржуазия, белогвардейцы, иностранные интервенты - устранялись самым простым способом, т. е. физически. Эти задачи - задачи санации России - были решены на уровне корневого патриотического сознания и классового чутья (социально-психологического пласта «рабочего пролетарского сознания»).

После этого не столь длительного периода встали главные задачи - построение новой России. Российская классическая интеллигенция на протяжении полустолетия создала образ альтернативного «государственному и государственническому» (т. е. кадетско-буржуазному) миропостроения, социально-социалистического миропостроения, в основе которого лежали ценности, выработанные крестьянско-старообрядческой традицией коллективного, мирового, кооперативного и соборного бытия. В великой социальной революции в России обнаружили себя колоссальные по своей мощи космоциклические процессы, начало и приход которых отчетливо чувствовали не только М. Ю. Лермонтов («придет России страшный год»), Серафим Саровский, но и В. С. Соловьев, Л. Н. Толстой, А. А. Блок.

Модель прогрессистско-кадетского преобразования России оказалась невостребованной в условиях социальной простоты, возникшей в результате тотальной хаотизации страны. Россия обрела именно такое лицо, которое было сформировано имеющейся культурно-образовательной средой. Российская народническая интеллигенция, ставившая перед собой задачу всемерного

просвещения народа, к сожалению, вызвала обратную реакцию государственной машины - «дворянское сЪобщество» культурного прогресса не смогло до конца осмыслить гибельность темноты народа для «высшего общества», а православная церковь не смогла доказать, что она своим существованием отвечает естественному необходимому росту культурного уровня народа. Победоносцевская «культурная осторожность» оказалась тем «культурным фактором», который не смог соответствовать высоким формам народной самоорганизации. Думается, что наиболее близко к сути естественных процессов самоорганизации трудового крестьянства подошли эсеры и анархисты. Кооперативные процессы самоорганизации могли придать России значительную устойчивость быстро развивающегося социально-гуманистического (народного) организма. Однако этот процесс пошел в другое русло, которое исторически было связано с глубоко укоренившимися монархическо-имперскими традициями. Лидер победившей партии, как это и должно было быть, стал одновременно и монархом и императором еще более разрастающейся евразийской социалистической империи. История, как часто бывает (это показал К.Маркс на примере французской истории), совершила крутой поворот, забежав вперед, но сделав шаг вперед, она сделала два шага назад (а с учетом российского консерватизма - это обернулось даже тремя шагами назад, если учитывать цивилизационно-формационные показатели).

Таким образом, российская интеллигенция (как высоко интеллектуальная элита дворянско-буржуазного сословия) в своих миропостроительных планах потерпела самое сокрушительное поражение. Ее главным пафосом было создание православно-соборного государства мирового духовного пространства, однако эта задача была слишком абстрактной и мало понятной в условиях выживания агонизирующей гигантской страны. В этом смысле «философский пароход» был, очевидно, вынужденной «защитительной» для народа мерой новой, советской власти против авторитетных оппонентов, спор с которыми оказался не по силам никому из правящей верхушки. Потенциал понимания «духовных иноплеменников» был наиболее высок у В. И. Ульянова, но и он не смог признать историческую правоту даже своих близких оппонентов (В. Г. Короленко, Н. Н. Суханова, П. А. Сорокина) или

признал ее тогда, когда от него уже ничего не зависело — в эпоху смены революционных декораций на сталинско-самодержавные и имперско-социалистические.

Российская интеллигенция была обречена на незнание широкими кругами общества ее моделей миропостроения и непонимание народом духовно-эвристического пафоса государственно-геополитического строительства. Духовная изоляция, которая может быть всего сильнее проявилась именно в период великого взлета - эпоху Серебряного века, эпоху декадентства, - обернулась не столько виной, сколько бедой элитно-усадебной высокоинтеллектуальной российской интеллигенции. Она оказалась невостребованной, ибо культурный уровень народа нуждался в ином языке и ориентации на решение совершенно иных задач.

Метаистория России потребовала «близкой к народу», а **значит**, народной интеллигенции. Так было положено начало становлению и развитию советской интеллигенции - народной плоть от плоти. «Высоколобая» интеллигенция оказалась востребованной лишь в той мере, в которой она помогала решать главные задачи экономического, военного, геополитического, социально-политического и иного характера. Народная интеллигенция наследовала традициям народнической, разночинской интеллигенции, которая главной целью ставила просвещение и помощь народу, врачи и учителя - вот главный отряд народной интеллигенции. Они были призваны поддерживать здоровье и дух народного трудового организма, и именно им были посвящены в большинстве своем «великие и прекрасные» творения деятелей советского искусства. Бескорыстное служение народу - вот главная задача советской народной интеллигенции.

Выполнила ли эту свою великую историческую миссию советская интеллигенция? Каковы ее дальнейшие судьбы и место в модернизации страны?

В последнее время советской интеллигенции предъявляют счет за все беды, которые свалились на страну в период перестройки и постсоветской истории. Говорят, что она предала народ, отказалась от проповедуемых ею же самой ценностей и поставила страну на грань катастрофы. Думается, что если предала, то прежде всего тех, из чьих рук она получала денежное вознаграждение - партийно-государственную верхушку, которая

усердно и неуспешно контролировала любую деятельность этой самой советской интеллигенции.

Советская интеллигенция, к сожалению, не получила исторического признания, в этом смысле ее ожидала участь российской интеллигенции начала XX века, но все же она выполнила свою метаисторическую миссию. Своим духом и воздействием на широчайшие народные массы она смогла сохранить целокупное геополитическое пространство, а это и есть по большому счету ее главная миссия - создание предпосылок для сохранения контроля над жизненным пространством этноса, а значит, народа.

Термин «советская интеллигенция» в значительной степени собирательный, и поэтому им обозначается социальная группа, которая существовала наряду с рабочим классом и крестьянством и составляла очень значительный отряд советского народа. Даже если его не называли классом, в действительности это был именно класс. В условиях нерыночных, распределительных отношений, которые характеризовали советское общество, интеллигенция получала паритетную долю дохода и в силу этого могла рассматриваться как часть единого советского общества и такой новой общности людей, как советский народ. Эта констатация конституционного характера заставляет в значительной мере переосмыслить институциональную сущность советской интеллигенции, которая выступала в качестве достаточно мощной силы внутреннего и внешнего миропостроения. Именно она создавала образные модели прошлого, настоящего и будущего страны и в то же время способствовала разумным версиям и вариантам внешнего, материального миропостроения. В силу этого особую роль в системности советской интеллигенции играла научно-техническая интеллигенция, именно она формировала материальный облик новой страны, именно она, учитывая ориентацию партийно-государственной верхушки, определяла развитие общенациональных доминант: атомная энергетика, космические исследования, глобальная гидроэнергетика, секторы отрасли «А» (добывающей промышленности и производства средств производства).

Главным результатом деятельности интеллигенции стало создание теоретических и технических предпосылок для формирования мощного военно-промышленного комплекса страны, который обеспечил и до настоящего времени сохраняет способ-

ности, самозащиты этнонациональных интересов и социальных глвоеваний народа со времен октябрьской революции. Третье из-гнне НЭПа, которым является перестройка, давшая крен в формы примитивного капиталистического развития, позволило начать, решение задачи, которую никогда не ставили перед собой коммунисты, - создание условий для развития, а не переделки **Природы** человека. Культура российского общества и *советской трудовой интеллигенции* доросла до понимания роли человека как главного потенциала интенсивного (а не экстенсивного) социального и экономического развития.

Советская трудовая и научно-художественная интеллигенция собственным трудом сформировала свою модель внутреннюю и внешнего миропостроения, которое сохраняет основные завоевания эпохи «торжества социального равенства». Несмотря на **разные** формации советской интеллигенции, именно советской ишеллигенцией генерации «оттепели» заложены краеугольные камни в парадигмы «советы без коммунистов», «от тоталитарного ГО государства к демократическому», «от идеологии средства к идеологии цели», «от социализма с человеческим лицом к человеку с социалистическим лицом».

Сравнивая миропостроенческий потенциал российской и советской интеллигенции, можно констатировать в метаисторическом плане, что староинтеллигентская модель развития («Великая Россия») значительно более глубока и фундирована в формах духовного преобразования, модель советской интеллигенции прагматична, определена, ориентирована на конкретно-историческую соразмерность внешнего и внутреннего миропостроения. Коммунисты как народно-прагматическая партия выступали в качестве главного заказчика моделей миропостроения, поэтому именно компартия задавала меру соотносительности внутреннего и внешнего миропостроения. Однако средний уровень культуры советской трудовой интеллигенции оказывался значительно выше среднего уровня партийной интеллигенции (которая по своей природе никогда не являлась трудовой). Даже в соответствии с марксистскими представлениями можно утверждать, что трудовая интеллигенция обеспечивала прибавочный продукт за счет духовного производства. Здесь важно иметь в виду, что именно в это время В.И.Вернадский показал роль научной мысли (а

именно ее продуцировала советская трудовая интеллигенция) в преобразовании мира, и не только в социальном, но и социоприродном измерении трудовой и разумной деятельности.

Главное противоречие советской метаистории - противостояние трудовой и паразитической интеллигенции. Самым радикальным слоем советской интеллигенции были диссиденты - ударный кулак против партийно-паразитической интеллигенции (которую, может быть, точнее называть партийной номенклатурой). Именно эта часть советского государства оказалась настолько консервативной и закрытой, что ее стало возможно сравнивать с кастой. «Коммунистическая номенклатура» и была главной причиной застойных явлений в обществе, ибо, сохранив репрессивный аппарат, доставшийся общенародному государству от тоталитарного государства, она ограничила необходимую свободу научного творчества и свободу общения с внешним миром. Именно в этом смысле можно говорить о том, что советская страна претерпела фундаментальный социально-экологический кризис, после периода 80-летней стагнации закрытая система стала наконец-то открытой.

Все проблемы, которые сейчас испытывает наша страна, в конечном итоге связаны с тем, что она вынуждена в очень короткий срок интегрироваться в мировую экономику, глобальное культурное и социально-политическое, геополитическое пространство. В этом смысле советская интеллигенция, став постсоветской, движется в сторону приобретения нового качества - стать национальной интеллигенцией, ориентированной на общечеловеческие ценности. До тех пор, пока Россия не обретет величия, на которое она обречена как геополитическое тело, российская интеллигенция не перестанет быть интеллигенцией, не превратится в интеллектуалов. Из этого заключения следует вывод: интеллигенция - это социальный слой общества, обеспечивающий теоретические (философские) и научные предпосылки внутреннего и внешнего миропостроения своей страны, создающий опережающие модели мирового, глобального развития.

Метаисторическая метаморфоза интеллигенции в России связана с тем, что, будучи мировой интеллигенцией (в начале XX века), она вынуждена была в советской интеллигенции обрести социально-национальное лицо, чтобы в логике своего развития

дорости до мирового качества - уровня, характерного для российской интеллигенции начала XX века.

Советская интеллигенция, если мерить ее роль и значение не идеальными, а геополитическими и метаисторическими мерками, выполнила, несмотря на колоссальные потери и издержки, **гною** онтологическую миссию - сохранила евразийский геохронологический. С точки зрения теории элиты А. Тойнби, советская интеллигенция смогла осуществить свое предназначение, дав ответ на **им юв** времени, но при этом в неравной борьбе за право свободы мысли и творчества потеряла свою пассионарность и здоровье, не \ гра шв надежды на лучшие времена.

Ноосферная история: от мировости к повседневности

Важная особенность современного развития - это усиление моментов социальной и социоприродной самоорганизации. Возможность личностного воплощения социальной самоорганизации своеобразный аналог гегелевской «свободы» как главного фактора прогрессивного развития.

Способность к самоорганизации личности - результат значительной культурной работы (образовательной, воспитательной, научной, художественной, педагогической и т. д.) над личностью в впоследствии (в процессе взросления) самой личности. «Личностный хаос» — обратная сторона интенционального процесса «Ик»>сферной самоорганизации.

История полна примеров удивительной силы культурной самоорганизации. Такие книги, как «Дальняя дорога» П. Л. Сорокина, «Воспоминания. Жизнь и философский путь» И. О. Лосского, «Бывшее и несбывшееся» Ф. А. Степуна, дневники В. И. Вернадского, М. М. Пришвина и многие другие сокровенные тексты деятелей отечественной и мировой культуры - свидетели гигантской силы «интеллигенции» (высших духовных потенций) в формировании сознания и перестройке общества.

Природа-Вселенная «как бы» сама помогает торить дорогу в будущее тем представителям интеллигенции, которые обнаруживают возможности проявления духовной самоорганизации, будучи вовлеченными в мировые процессы всемирной истории.

В этом смысле можно было бы сказать, что интеллигенция - это «*тихие аттракторы*» духовно-онтологического развития: максимальная польза для общества от личности - в формах духовной самоорганизации, за которой следует внешне материальное миропостроение.

В. И. Вернадский, в течение долгого времени анализировавший процессы, происходящие в руководстве советской России, вынужден был признать, что уровень большевистского управленческого аппарата оказался значительно ниже среднего культурного уровня в стране. Этот вывод, думается, был справедлив и в более позднее время. Итак, степень интенсивности развития государства во многом зависит от уровня интеллектуальности и интеллигентности его властных структур.

Для понимания роли интеллигенции в общественном развитии целесообразно обращение и к *синергетическому подходу*, ибо он помогает рассмотреть интеллигенцию как ту человеческую субстанцию, которая живет в другом времени, нежели современное ей общество. Вся проблема в том, насколько интеллигенция отрывается от своего времени, насколько далеко она уходит от проблем современности. Думается, что российская интеллигенция начала XX века опередила время не меньше, чем на полстолетия, если учитывать возможность сослагательного измерения истории, и может быть столетия, если учитывать наши реалии. Только сейчас российское общество подошло к той черте, за которой стали вполне реальными к осуществлению фундаментальные идеи, предложенные мыслителями «философского парохода». Невозвращенцы, наконец, приплыли к своим берегам. Совершился акт восстановления исторической справедливости, и поэтому можно говорить о том, что именно это и была «та российская интеллигенция».

В последнее время волна за волной из России уходят самые образованные представители интеллигенции и тем самым обрекают духовное пространство Родины на еще большее сокращение. Очевидно, один из важнейших законов геополитики заключается в том, что государство обязано хранить как зеницу ока тот интеллектуальный и интеллигентный потенциал (продукт), который рожден почвой земли в рамках космических процессов. Не в том ли слабость современной России, что на протяжении прошлого века ин-

теллектуальный потенциал страны становился меньше, те народные силы, которые поднимались, были еще недостаточно образованны, а те, которые обладали значительным образовательным потенциалом, были выдворены за пределы страны.

Личностная, конкретно-историческая гармония материального и духовного бытия человека, совпадение в формах его феноменологической и персоналистической деятельности (экзистенциальной и имманентной) может рассматриваться как важнейшая характеристика **Интеллигентности**, а феномены интеллигенции и интеллигентности могут служить критериями ноосферного устойчивого развития.

На сегодняшний момент, для будущего России нет более актуальной теоретической проблемы, чем реализация своего потенциала; императивности, *напитанной духовным сродством с природой*. Именно этнос такого типа продуцирует («угадывает») ноосферную и гармоническую реальность будущего. Российская интеллигенция уже, по крайней мере, дважды в XX веке удивляла мир, но первых, когда дерзнула в самых невыгодных условиях реализовать идею социального равенства для развития духовности общества, и, во-вторых, когда породила евразийскую идею, пытаясь будучи на Западе - в Европе, остаться в своей стране - в Евразии. Евразийская идея появилась как ностальгическая идея, хотя ее архетипический смысл был закодирован еще в принятии византийского православия (и, таким образом, «случайность» принятия православия оборачивается «закономерностью» будущего евразийского развития России). Но есть и третья идея, которая лежит в основе будущего самоопределения России, - это ноосферная идея. Переосмысление исторических событий с позиции ноосферных и синергетических подходов позволит более глубоко посмотреть на историю России и мировую историю, выявить роль и значение интеллигенции в революционном и эволюционном движении, найти пути устойчивого ноосферного развития человеческой цивилизации в ближайшем будущем.

Выводы

1. В ноосферной истории соединяются реальная земная история и история вселенская, геологическое время соприкасается с историческим.

2. Ноосферная история - это универсальная история сознания-Разума в той форме, в которой она знакома земному человечеству. Козволюция сознания-Разума есть продолжение отражательных форм животного мира и говорит о том, что до настоящего времени человек остается сфинксом - животным с человеческой головой (именно поэтому истоки понимания смысла ноосферной истории можно видеть в египетском герметизме) и двуликим Янусом. Ноосферная история - вселенская история взаимодействия неживого, живого и разумного вещества, которая порождена вселенской эволюцией живого от микроорганизмов до человека в формах развивающегося мышления-отражения, феномена «оразумления» вселенского бытия.

3. Ноосферная история - это процесс разворачивания ноосферного конфликта, когда материальная и духовная истории (диалектика духовности-телесности), осуществляя «высокое соприкосновение», обеспечивают «самоподдерживающуюся» развитие разума (ноосферное развитие). Чем далее движется мировой исторический процесс, тем более проявляется духовная доминанта истории, тем ярче видны формы универсальной, ноосферной истории (в этом случае и возникает узкий смысл данного термина). Процессы цефализации и сапиентации выливаются в формы социокультурной динамики и ноосферного развития (социоприродной одухотворенности).

4. Важнейшими факторами ноосферной динамики являются феномены церкви (храма), школы и университета (средства принципиально «немассовой» коммуникации), в которых осуществляется и достигается соразмерность встречи («сретенья») прошлого и будущего в феномене экзистенциально-персоналистической истории человека и человечества. Таким образом, образование и культура предстают в качестве процесса и результата ноосферной истории. Важнейшую сторону ноосферной истории человечества отметил В. И. Вернадский, проанализировав научную мысль как планетное явление (в действительности понимаемое им как космопланетарное, вселенское явление).

5. Ноосферная история, как вся история живого вещества, предстает историей накопления «информации», а значит, подчиняется биогенетическому закону Геккеля - Мюллера: онтогенез (единичное развитие субъекта ноосферной истории) повторяет

филогенез (универсумогенез, ноогенез, вселенский генезис). Знак и человек (богочеловек) в своем развитии предстает как факт Свернутой ноосферной истории.

6. Мировая интеллигенция выступает существенным высшим антропологическим фактором ноосферной истории, ибо именно она осуществляет самоорганизацию Духа в формах **флукуативной** информационно-генетической деятельности, создания КД ховных» (ноосферных) аттракторов.

7. Парадигма ноосферной истории позволяет по-новому ЮГЛЯНуть на традиционные формы понимания исторического процесса, исторического сознания и исторической деятельности.

Библиографический список

1. Андреев Д. П. Роза Мира. М., 1992.
2. Антонов Н. П. Философия сознания и ноосферы. Иваново, 2003.
3. Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, п\натрии и эпистемологии. М., 2000.
4. Биск И. Я. Мой XX век: Записки историка. Иваново, 2003.
5. Бычков В. В. Эстетика. М., 2003. С. 7.
6. В. И. Вернадский и современность: Материалы торжественного заседания посвященного 140-летию со дня рождения академика В. И. Вернадского, 12 марта 2003 г. М., 2003.
7. В. И. Вернадский: pro et contra: Антология литературы о Ит II Вернадском за сто лет (1898-1998). СПб., 2000.
8. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.
9. Вернадский В. И. Труды по философии естествознания. М., 2000.
10. Вернадский Г. В. Русская история. М, 1997.
11. Гумилев Л. Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. М., 2000.
12. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
13. Дмитриевская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. Ноосферная история России: философские и культурологические проблемы // Ноосферные исследования. Иваново, 2002. Вып. 1/2.
14. Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А. С. Лаппо-Данилевского. СПб., 2003.
15. Казначеев В. П., Трофимов А. В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: проблемы космопланетарной антропоэкологии. Новосибирск, 2004.

16. Лихачев Д. С. Раздумья. М., 1991.
17. Моисеев Н. И. Универсум. Информация. Общество. М., 2001.
18. Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика - психология - прогнозирование. М., 2004.
19. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980.
20. Россия на пути к устойчивому миру. М., 2003.
21. Семенова С. Г. Тайны Царствия Небесного. М., 1994.
22. Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992.
23. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М., 2001.
24. Тейяр де Шарден П. Божественная среда. М., 1987.
25. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
26. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1994.
27. Философская антропология и гуманизм. Владимир, 2004.
28. Хаксли О. Вечная философия. М., 1997.
29. Хаксли О. Остров. Врата восприятия. Небеса и Ад. Киев, 1995.

Г. Г.Ермилова

О ПРАВОСЛАВНОСТИ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ: Размышления по поводу книги Ю. В.Лебедева «Духовные истоки русской классики» (М., 2005)

Рассуждая в одной из своих статей о единстве художественного произведения, Л. Н. Толстой проникновенно заметил, что это единство держится не на общности интриги, не на связующей роли одних и тех же действующих лиц, а на единстве «самобытного нравственного отношения автора к предмету». И далее он продолжает: «В сущности, когда мы читаем или созерцаем художественное произведение нового автора, основной вопрос, возникающий в нашей душе, всегда таков: "Ну-ка, что ты за человек? И чем отличаешься от всех людей, которых я знаю, и

© Ермилова Г. Г., 2006

Ермилова Галина Георгиевна - доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской словесности и культурологии Ивановского государственного университета.

ЧТО МОЖЕШЬ мне сказать нового о том, как надо смотреть на нашу ВШЭНЬ?" Что бы ни изображал художник: святых, разбойников, || ірі й икссв - мы ищем и видим только душу самого художни- | | І і іп же это старый, уже знакомый писатель, то вопрос уже не | кто ты такой, а "ну-ка, что можешь ты сказать мне еще но- • какой новой стороны теперь ты осветишь мне жизнь?"»'. Го ЧТО (елает Ю. В. Лебедев, можно назвать наукой, спаянной со іраі п.к), лирическим исследованием. Слова Толстого вполне к іп м\ применимы.

Последняя книга Ю.В.Лебедева нова и узнаваема одно- Временно. Перед нами известный не только специалистам, но и і ВМОМУ широкому читателю автор научных исследований о Тур- ГСНеве, Некрасове, Островском, Льве Толстом, Достоевском... І іп же изысканный - местами поэтический — стиль, те же идей- ни І смагические пристрастия. Речь в книге идет о самобытности нашей литературы, ее национальном своеобразии, ее эпичности КАК одной из самых ярких примет этой самобытности. То же шпжение мысли в русле почвенно-славянофильского направле- ния от Ивана Киреевского до Ивана Ильина. Замечу попутно: от- крывается книга историко-литературных очерков о поэзии XIX Века статьей об Иване Козлове, заканчивается лирическим фраг- ментом о жизни и творчестве Ивана Сурикова. Если это случай- ное п., то весьма характерная. Ю.В.Лебедев убежден: Россия - «Особливый мир» (М. П. Погодин), его и интересует прежде всего отражение этого мира в зеркале литературы. Мысль о литерату- роцентричности нашей классической культуры, которую в конце XIX и в XX веках в разных аксиологических парадигмах развива- III критики (от В. В. Розанова до А. Л. Агеева), тоже славяно- фильская по своему происхождению. Ее автор - И. В. Кире- евский, вслед за ним ее повторили Герцен, Чернышевский. К). В. Лебедев пишет: «Случайно ли, что мировое культурное признание Россия получила как страна великих писателей- реалистов, в отличие от Франции - страны классической полити- ческой культуры, Германии - страны немецкой классической фи- юсофии и Англии - страны немецкой классической политэконо- мии? Связано ли это обстоятельство с особенностями православно- христианского мирозерцания русского человека?»². И всей своей книгой отвечает: безусловно, связано, справедливо ссыла-